

Igor CAȘU

DUȘMANUL DE CLASĂ

Represiuni politice, violență și rezistență
în R(A)SS Moldovenească, 1924-1956

Из книги

Игор Кашу, **КЛАССОВЫЙ ВРАГ. Политические репрессии, насилие и сопротивление в Молдавской (А) ССР, 1924-1956**

Опубликовано на румынском в Кишиневе издательством CARTIER в 2014 г.
Русская версия книги выйдет в 2015 г.

Глава II
Большой Террор в Молдавской АССР, 1937-1938 годы

1. Большой террор в Советском Союзе, 1937-1938: внутренний и внешний контекст

Сплошная коллективизация сельского хозяйства, начатая в 1929 г. и массовые репрессии, продолжавшиеся в 1930-1933 гг., вновь запустили государственный террор против тех, кто сопротивлялся политике проводимой Сталиным и его сторонниками. В годы, последовавшие за решением Политбюро от 8 мая 1933 г., репрессивная кампания, проводимая на массовом уровне против крестьян, объявляется завершенной, а акцент репрессий перемещается на городские центры. Города очищаются от элементов, названных маргинальными, но на самом деле речь чаще всего шла о крестьянах, бежавших в город в поисках работы, которая могла бы обеспечить им существование. У большинства из них не было паспортов, а, следовательно, и права проживания в городах, в результате, они не имели возможности законно трудоустроиться. Некоторые покупали фальшивые удостоверения личности¹, но большую часть таких людей находила и выселяла милиция и политическая полиция. Существовало также значительное количество криминальных элементов: профессиональные воры, мошенники, бандиты, рецидивисты, которые не имел ничего общего с политикой как таковой. Однако, теперь, в 1933 г., власти соблазняла идея с подозрением относиться ко всем категориям населения, по разным причинам, не интегрированным в новое советское общество — профессиональным преступникам, наравне с теми, кто был жертвами коллективизации, в большинстве своем неудовлетворенными своим новым социальным статусом. Сам Сталин категорически заявил об этом на заседании ЦК ВКП(б) в январе 1933 года. Большевистский лидер объявил, что вопреки победе социализма в СССР, классовая борьба не прекратилась, но

¹ Только в 1936 г. НКВД установило, что было украдено несколько десятков незаполненных паспортов. См: David Shearer, *Policing Stalin's Socialism. Repression and Social order in the Soviet Union, 1924-1953*, Haven and London, Yale University Press, 2009, p. 312.

продолжилась в менее организованной и видимой форме замаскированного саботажа (*тихой сапой*). Это был намек на тех, кто в последние годы потерял имущество, в первую очередь на крестьян, но и так называемых *бывших людей*, которые в сотрудничестве с криминальными элементами, а также с исключенными из партии коммунистами, в основном троцкистскими и правыми элементами, могли попытаться свергнуть советскую власть².

Репрессии в следующие два года не будут столь массовыми, как раньше, или, точнее сказать, они не будут применяться равномерно по всей стране. Вернее будет сказать, что государственный террор продолжился, но часто менялись его целевые группы или география применения. В сельской местности, репрессии продолжались в отношении советских и партийных кадров, сделанных козлами отпущения за невыполнение планов по заготовке хлеба и других продуктов питания, на сей раз уже в рамках пятилетнего плана. Репрессии против элиты продолжились путем инсценировок судебных процессов над большевиками ленинской гвардии, такими как Каменев и Зиновьев (в январе 1935 г. - приговорены к тюремному заключению, а в августе 1936 г. - расстреляны)³. Эти действия достигнут апогея в 1937-1938 гг., вместе с общим натиском на города и села, нацеленным на *классово враждебные элементы*, этнические группы, в особенности, имевшие соотечественников в соседних с СССР странах, а также на высокопоставленные кадры Красной Армии, представителей научного мира и т. д.

Несколько акций предшествовало развязыванию репрессий в масштабе, не имевшем прецедентов по количеству казненных за очень короткий промежуток времени, двумя годами позже, в 1937-1938 годах. С 1935 г. начинаются *массовые* чистки в приграничных зонах СССР, начиная западными рубежами и заканчивая Дальним Востоком. Одним из мотивов этих приграничных операций было то, что в целом на нерусских окраинах сопротивление коллективизации оказалось более жестоким, чем на территориях с русским этническим большинством, и, следовательно, степень их лояльности режиму была ниже той, которую русские — в восприятии советской власти — имели по отношению к советскому режиму⁴. Целью этих операций были так называемые *диаспорные национальности*, такие как поляки, немцы и финны, т. е. национальные меньшинства, принадлежавшие к этническим сообществам соседних с СССР наций-государств⁵. Молдавская АССР была одной из западных приграничных зон Советского Союза, расположенной на границе с Румынией, страной, которая, как считало советское руководство, питала сильные антисоветские чувства. Но не только пограничные регионы узнают

² David Shearer, *Policing Stalin's Socialism*, p. 19-21.

³ Включая Бухарина, приговоренного в марте 1938 года. См.: Nicolas Werth, *Les Procès de Moscou (1936-1938)*, Bruxelles, Éditions Complexe, 2006.

⁴ Здесь мы не оспариваем, в какой степени это восприятие соответствовало действительности. Хотя нам доподлинно известно, что жестокие восстания против режима не обязательно были единственным показателем сопротивления, и что сопротивление не прекращалось со вступлением крестьян в колхоз.

⁵ Terry Martin, *Affirmative Action Empire*, p. 321, 328. Подробнее см.: Виктор Дёнингхаус, *В тени «Большого Брата». Западные национальные меньшинства в СССР, 1917-1938*, Москва, РОССПЭН, 2011.

вскоре то, что называлось *Большим Террором* — термин, введенный в обращение американским историком Робертом Конквестом⁶.

Причины и контекст, в котором развязывается *Большой Террор* были комплексными. Согласно мнению большинства исследователей, убийство Кирова в декабре 1934 г. стало моментом, заставившим Сталина возобновить массовые репрессии против потенциальных и мнимых врагов советской власти (хотя и нет убедительных доказательств личной причастности Сталина к убийству, все же несомненно, что он воспользовался им сполна). К этому добавляется советский опыт участия в гражданской войне в Испании, а именно идея, что пятая колонна могла бы объединиться с внешним врагом в случае войны и разрушить советское государство изнутри. Возвышение нацистской Германии и агрессия милитаристской Японии на Дальнем Востоке были еще одним поводом для беспокойства для Сталина и советского руководства⁷. Другой проблемой, которая могла внести вклад в принятие Сталиным такого поворотного решения, стало принятие в 1936 г. Конституции, так называемой сталинской, конституции победившего социализма.

В какой мере *Основной закон*, принятый формально и не соблюдавшийся, принимая во внимание природу однопартийного государства, грозную политическую полицию, цензуру и многочисленные механизмы принуждения и общественного контроля, мог бы стать одним из мотивов, побудивших Сталина начать *Большой Террор*? Даже если некоторые права были дарованы лишь формально, это все же создало для режима определенные проблемы. Группы, которым раньше не благоприятствовали, лишенные политических прав или *лишенцы*, раскулаченные крестьяне, вернувшиеся домой репрессированные, бывшие церковники и члены неопротестантских конфессий, просили равных прав с остальными, подстегнутые новой Конституцией советского государства. Не менее опасным с точки зрения советского руководства был и тот факт, что вторая советская перепись, предварительные результаты которой были опубликованы в начале 1937 г. Зарегистрировала в стране не менее 59% верующих. Среди респондентов переписи находились не только классовые враги, но члены партии, руководители колхозов. Более того, в некоторых областях доля людей, приверженных религии, доходила до 80%. Все это способствовало усилению комплекса страны, осажденной одновременно изнутри и снаружи. Ответом Сталина стало возобновление массовых репрессий, которые по жестокости и размаху превзойдут все предшествующие и последующие операции советского режима⁸.

Формально репрессии развязываются в конце июля 1937 г., но подготовка начинается несколькими месяцами ранее. Аналогично, хотя *Большой Террор* официально прекращается 17 ноября 1938 г., но, как оговаривалось в решении

⁶ Robert Conquest, *The Great Terror. Stalin's Purges in the Thirties*, London, Macmillan, 1968 (дополненное и исправленное издание 1990 и 2007 гг.).

⁷ Oleg V. Khlevniuk, *Master of the House. Stalin and his Inner Circle*, New Haven & London, Stanford, Press, 2009, p. 173-174.

⁸ Владимир Хаустов, Леннарт Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг.*, Москва, РОССПЭН, 2010, с. 26-37, 68.

Политбюро ЦК КП(б) Советского Союза «Задача [органов НКВД] теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу *при помощи более совершенных и надежных методов* (курсив мой — И.К.)»⁹. Следовательно, в ноябре 1938 г. не был положен конец массовым репрессиям, но было решено сократить размах террора, и улучшить методы, применяемые к тем, кого воспринимали врагами советской власти.

О *Большом Терроре* в целом опубликовано достаточно много работ. Эта тема является одной из наиболее изученных в том, что касается репрессий в Советском Союзе в сталинский период. Однако, о *Большом Терроре* в МАССР написано крайне мало. Далее мы попытаемся реконструировать этот эпизод на основе данных, опубликованных недавно молдавскими, постсоветскими и западными исследователями, а также на базе неизданных архивных документов из кишиневских архивов, особенно бывшего архива КГБ МССР (архив Службы информации и безопасности Республики Молдова) и архива Министерства Внутренних Дел и бывшего ЦК КПМ.

2. Начало Большого Террора в МАССР, июль 1937 года: «кулацкая операция»

Начало *Большого Террора* было положено серией решений, принятых Политбюро ЦК КП(б) Советского Союза и приказов, изданных Николаем Ежовым, комиссаром Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР. В первую очередь можно выделить решение Политбюро от 2 июля 1937 г., отправленное всем первым областным и республиканским секретарям, в котором объявлялось о необходимости возобновления в широких масштабах борьбы с антисоветскими элементами. Одним из приказов Ежова, который будет иметь глубокие последствия для сотен тысяч людей, стал приказ 00447 от 30 июля 1937 г., озаглавленный «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». Согласно этому приказу, большинство областных и республиканских отделов НКВД должны были начать операцию 5 августа, а остальные — 10 августа (в Средней Азии) и 15 августа (Западная Сибирь и Дальний Восток). В целом, операция предусматривала — по первоначальной формуле, объявленной в конце июля 1937 г. - расстрелы или тюремное заключение для 270 тысяч человек¹⁰.

На Украине, частью которой была и МАССР, операция официально началась 5 августа (по другим источникам 4 августа). По приказу 00447 устанавливались лимиты для каждой области или республики, что не было абсолютно новым в истории репрессий, осуществлявшихся до этого момента советской властью. Удивительным был тот момент, что в сравнении с

⁹ *Исторический архив*, 1992, № 1, р. 125.

¹⁰ Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер, *Вертикаль Большого Террора. История операции по приказу НКВД 00447*, Москва, Новый Хронограф, 2008, с. 9.

операциями в период коллективизации или направленными против этнических групп в 1934-1936 гг., операции того, что мы называем *Большим Террором* (июль 1937 — ноябрь 1938), происходили *ad hoc* и *охватывали всю советскую территорию*. Из всех подлежащих аресту по приказу 00447, около 1/3 было включено в первую категорию, как наиболее опасные и подлежащие расстрелу, а остальные относились ко второй категории, считавшееся перевоспитываемыми и которых следовало приговорить к срокам от 8 до 10 лет лагеря или тюрьмы. Лимиты, установленные для Украины, составляли 8000 для первой категории и 20800 для второй соответственно, в общей сложности 28800 человек. Для МАССР был установлен «план» в 200 человек подлежащих расстрелу и 500 — приговорам на 8-10 лет¹¹. Центральные московские власти предполагали, что указанные цифры были приблизительными и что могли быть увеличены, но только с согласия Центра (как правило, с разрешения Ежова¹², его заместителей, а также Сталина и Молотова¹³). В дальнейшем, эти лимиты неоднократно увеличивались. Как это произошло и каким образом функционировали механизмы репрессий в период между июлем 1937 и ноябрем 1938 годов? За несколько недель до издания приказа 00447, Ежов беседовал с районными и республиканскими главами НКВД, приглашенными 16 и 17 июня в Москву. Некоторые главы НКВД высказали сомнения по поводу размаха и необходимости возобновления террора в таких масштабах, вследствие чего Ежов немедленно произвел аресты некоторых приглашенных, чтобы запугать остальных. Позднее были арестованы и осуждены многие первые секретари областей, автономных и союзных республик, главы республиканских правительств, которых посчитали саботажниками или предателями интересов компартии¹⁴. Так, каждый стремился выжить, пытаясь продемонстрировать максимальную лояльность вышестоящему руководству в том, что касалось мер, продвигавшихся высшим руководством советского государства. В результате, началось безжалостное соревнование за выполнение исходных лимитов, после чего Центр «великодушно» жаловал дополнительные квоты, в чем-то подобные дополнениям в рамках хлебозаготовительных кампаний в период сплошной коллективизации сельского хозяйства. В этом смысле, начальные лимиты необходимо было выполнить в четырехмесячный срок, как это предусматривалось при первоначальном развертывании операции, но ее выполнение пришлось продлить почти на год. Поэтому существовали лимиты для 1937 г., увеличившиеся несколько раз, а с января-февраля 1938 г. были установлены другие нормы на текущий год; все это еще больше походило на реализацию годового экономического плана, а не на предшествовавшую операцию по устранению «классового врага», которая определяла конкретный контингент и завершилась в короткий срок.

¹¹ *История сталинского ГУЛАГа*. Том 1: „Массовые репрессии в СССР”, с. 270- 271.

¹² *История сталинского ГУЛАГа*. Том 1: „Массовые репрессии в СССР”, с. 272.

¹³ David Shearer, *Policing Stalin's Socialism*, p. 344.

¹⁴ Никита Петров, Марк Янсен, «*Сталинский питомец*» - Николай Ежов, Москва, РОССПЭН, 2009, p. 121-122; Nicolas Werth, *La terreur et le désarroi*. Staline et son système, Paris, Perrin, 2005, p. 273.

В МАССР, лимиты в первый раз были увеличены в первые два месяца «кулацкой» операции, проводившейся по приказу 00447. В бывшем архиве КГБ сохранился документ от 13 октября 1937 г., в котором упоминается лимит 300 человек по первой категории для МАССР. Следовательно, с 30 июля 1937 г. до начала октября того же года, лимит по первой категории, т. е. подлежащих расстрелу, был поднят на 100 человек. В следующем месяце увеличение лимитов для Украины в целом и МАССР в частности было еще более ощутимым. Согласно документу от 22 ноября 1937 г., у молдавской автономии уже был «план» на 800 человек по первой категории арестованных (рост на 500 человек в сравнении с октябрём) и 1400 по второй категории, что в итоге составило увеличение на 900 человек в сравнении с цифрами, указанными в приказе 00447 от 30 июля 1937 года¹⁵. В том, что касалось «выполнения» лимитов, установленных на первый год *Большого Террора* в МАССР имелись большие «недоимки», возможно по причине изначальной сдержанности местных органов НКВД в заведении дел. В докладе от 7 сентября 1937 г. оговаривалось, что только 22% из тех, кого предполагалось арестовать в МАССР по первой категории, было задержано, а по второй категории — только 3,8%. Руководство НКВД забило тревогу и в следующем месяце власти МАССР, под страхом расправы, ускорили темп выполнения лимитов. Как следствие, 13 октября 1937 г. докладывалось, что почти 2/3 нормы, касавшейся первой категории, было выполнено (расстреляно 197 из 300), а по второй категории арестовано и осуждено на срок от 8 до 10 лет 322 человека при лимите 500. Несмотря на то, что установленный лимит не выполнялся, тотчас же было запрошено увеличение на 200 человек по первой категории и на 500 по второй. К концу октября 1937 г. число расстрелянных (1 категория) возросло до 277, среди которых 172 считались *кулаками*, 54 — *криминальными элементами* и 51 — *прочими антисоветскими элементами*. В то же время, число приговоренных к 8-10 годам заключения в лагере или тюрьме (2 категория) составило 575 человек. На 26 ноября 1937 г. докладывалось, что по первой категории расстреляно уже 560 человек из запланированных 800, а по второй осуждено 726 из 1400. Десятью днями позже, 4 декабря 1937 г., число казненных составило 746 человек, среди которых большинство, 738 человек, были так называемыми *кулаками*; также были вынесены приговоры о заключении 939 граждан, среди которых 390 были *кулаками* (2 категория)¹⁶. «План», достигший между тем 2300 расстрелянных и приговоренных к заключению в ГУЛаге (плюс 100 человек, о которых доложили 22.11.1937), был объявлен выполненным на 100% на 3 января 1938 года. На этот момент, жертвы политических репрессий происходили в большинстве своем из сельской среды — 2043 человека (89%), а остальные 257 человек (11%) - из городской¹⁷.

Хотя приказ 00447 от 30 июля 1937 г. предусматривал завершение

¹⁵ „Через трупы врага на благо народа“. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг.: 1937. Подготовка приказа № 00447, том 1, Москва, РОССПЭН, 2010, р. 271, 218, 228.

¹⁶ «Через трупы врага на благо народа», том 1, р. 303, 312, 232.

¹⁷ «Через трупы врага на благо народа», том 1, р. 318, 320; том 2, р. 124.

«кулацкой операции» - как было указано выше — к концу декабря 1937 г., руководство продлило операцию на 1938 г., сначала только на несколько месяцев, а впоследствии — до ноября. Поскольку ранее спущенные лимиты уже были «исчерпаны», на новый год были установлены новые. На 31 января 1938 г. они составляли для МАССР 200 человек для первой категории, подлежащих расстрелу до 15 марта (для второй категории нет информации это число). Двумя неделями позже, руководство МАССР просит ощутимого увеличения квот для обеих категорий, особенно для первой — до 1100 человек. Для второй категории запрашивается санкция на арест и осуждение к лагерному заключению для 300 человек. В результате руководство удовлетворило прошение тираспольских властей, предоставив квоты бóльшие, чем было предусмотрено планом - 1800 человек в целом, с распределением по категориям следующим образом: 800 по первой категории (расстрел) и 1000 по второй (заключение на 8-10 лет). С этого момента аресты производились гораздо быстрее, чем осенью предыдущего года. Уже к 1 марта 1938 г., т. е. всего через две недели после предъявления запроса, было уже казнено или приговорено к смерти 666 человек (83% от «лимита»), в то время как в случае со второй категорией жертв вердикт был оглашен для 889 человек (89% спущенного лимита). В это же время, из МАССР и других приграничных областей Украины производились и депортации в общей сложности 17500 членов семей, главы которых были расстреляны или приговорены к лагерю или тюрьме. Советская власть считала, что они могут стать *врагами народа* и попытаются восстать, особенно в случае возможной войны. Молдавской Автономной Республике предоставили лимит депортированных 3500 человек, в то время как Житомирской области — 8000, Одесской — 6000 и Винницкой — 2000 человек. Депортации членов семей репрессированных были следствием приказа НКВД № 00846 от 15 августа 1937 года¹⁸.

Относительно социального состава репрессированных информация скупа. Например, из 233 расстрелянных между 21 февраля и 19 марта 1938 г., 140 были бывшими *кулаками*, 17 - «сектантами» (т. е. неопротестантами), 15 церковнослужителями, 15 — бывшими «петлюровцами» (сторонниками Петлюры, украинского военного и политического лидера, 1919-1920 гг.), 15 — бывшими «политическими бандитами» (т. е. участниками антисоветских бунтов), 5 — бывшими «полицейскими, жандармами или монархистами», 4 — бывшими белогвардейцами, 2 — членами контрреволюционных организаций и 1 «террористом». Жертвы казней в МАССР происходили из различных социальных слоев, включая — хоть и немногочисленных — пролетариев и представителей номенклатуры, в большинстве представленных сельскими жителями. Так, из 233 расстрелянных в феврале-марте 1938 г., 217 были из сельской местности и только 16 из городов. Крестьяне, не состоявшие в колхозах, составляли 33 человека, в то время как большинство было колхозниками — 113, а так же членами совхозов и машинно-тракторных

¹⁸ Никита Петров, Марк Янсен, «Сталинский питомец» - Николай Ежов, р. 116.

станций (10 человек). Другие 32 человека были транспортниками, 28 — безработными, 6 — работниками торговли и кооперации, 6 — советскими кадрами, 6 — промышленными рабочими и один был учителем¹⁹. Следовательно, советские власти считали, что *классовый враг* проник во все сферы и, значит, *государственный террор* должен охватывать, в том числе такие социальные категории как колхозники, вопреки официальному дискурсу, объявлявшему их представителями нового советского общества.

Для координации репрессивных акций на месте были созданы так называемые межрайонные оперативные группы НКВД. На Украине каждая область имела от 5 до 7 оперативных групп, ответственных за определенную территорию. В МАССР существовало две оперативных группы — одна базировалась в Балте, а другая — в Тирасполе²⁰. Приговоры большинству жертв репрессий в рамках «кулацкой операции» выносились *особыми тройками* НКВД, в состав которых входили комиссар Наркомата внутренних дел МАССР, первый секретарь Молдокома КП(б) Украины и прокурор МАССР. Например, на заседании 2 ноября 1937 г., Тираспольская Тройка изучила 19 дел, все 19 человек были приговорены к расстрелу. Одним из приговоренных был Филип Гылка, молдавский румын из села Плоть Кодымского района, родившийся в 1876 г., ранее, в 1931 г., приговоренный к 3 годам заключения за невыполнение плана поставок зерна государству и вернувшийся в 1936 году. Ему инкриминировали осуществление антисоветской агитации и запугивание сельского актива мстью со стороны немецких и польских войск, которые как он считал, или как говорилось в доносе на него, освободят в скором времени Украину от власти большевиков. Другим приговоренным к смерти через расстрел в этот же день был Терентий Василиевич Вараница, родившийся в 1869 г., житель города Ананьев (национальности не указана), бывший офицер царской армии и армии Украинского Гетманата в 1918-1919 гг., депортированный в 1923 г. как бывший офицер. В 1934 г. он был арестован НКВД, поскольку мог вести антисоветскую агитацию, рассказывая контрреволюционные анекдоты, порочащие Красную Армию и лично Ворошилова²¹.

В ходе другого заседания от 26 ноября 1937 г., 39 человек, чьи дела рассматривались на нем, были приговорены к высшей мере наказания через расстрел. Среди них был Георгий Мунтяну, родившийся в 1867 г., выходец из села Лунга, житель города Дубоссары. Его депортировали как *кулака* в годы коллективизации, после чего он вернулся в село и вел антисоветскую агитацию, запугивая сельский актив и убеждая крестьян эмигрировать в Румынию, за Днестр, в Бессарабию. Другим обвиняемым был Игнат Мелентьев, родившийся в селе Гормацкая Дубоссарского района, считавшийся бывшим *кулаком*, принимавшим участие в меньшевистском съезде в Одессе в 1919 г., обвиненный в контрреволюционной агитации; ему приписывали то, что он

¹⁹ «Через трупы врага на благо народа», том 2, р. 123, 118, 85, 121, 128.

²⁰ *Великий Терор в Україні*, Частина I, р. 58.

²¹ AMAIRM-MVD, Fond 17, inv. 1, d. 18, f. 3.

убеждал колхозников не выходить на работу, а также угрозы в адрес председателя сельсовета²².

Особая Тройка рассматривала как на конвейере дела «обвиняемых». Например, 15 апреля 1938 г., было рассмотрено 102 дела и принято решение расстрелять всех 102 человек. Одним из этих «обвиняемых» был Петру Дрэган, молдаванин, родившийся в 1898 г. в селе Гандрабура Ананиевского района, колхозник из *раскулаченных* крестьян, бывший доброволец в армии Петлюры, участвовавший в 1920 г. в восстании против советской власти. Другой жертвой классового геноцида был Григорий Козак, украинец, родившийся в 1871 г. в селе Пасицелы Балтского района, колхозник, но с прошлым, не внушавшим доверия советской власти, поскольку был причислен к бывшим «политическим бандитам» (политбандит)²³.

В целом, по кулацкой операции, развязанной официально приказом 00447 Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР от 30 июля 1937, в МАССР было приговорено в 1937-1938 гг., не менее 7157 человек. среди которых 4339 (60,6 %) - расстреляны, а 2818 (39,5%) - приговорены к различным срокам заключения, как правило 8-10 лет. Среди них, 2100 были казнены в 1937 г. (1 категория), а приговорены к лагерному или тюремному заключению — 1408 человек (2 категория). В 1938 г., в свою очередь, расстреляно 2239 человек (1 категория) и отправлены в заключение — 1410 человек (2 категория)²⁴.

3. «Румынская операция» в МАССР

Вторым компонентом *Большого Террора* считаются так называемые «национальные операции». Среди них выделяются десять: польская (как минимум 111 тысяч), немецкая, латышская, литовская, финская, греческая, румынская, турецкая, японская, иранская, в ходе которых применялись аресты и приговоры десятков тысяч человек. Среди них была и «румынская операция», официально начатая 17 августа 1937 года. Только через десять дней с ее официального начала — но нам известно, что подготовка велась много месяцев — докладывалось, что из арестованных по этой линии (не указывалось сколько их было в целом), 35 уже признались, что осуществляли шпионаж в пользу Румынии. Среди арестованных был Иван Криворуков, родившийся в Кишиневе, украинец, бывший директор украинского плодovinogradного треста, а также бывший член Сфатул Цэрий в 1917-1918 гг., голосовавший 27 марта 1918 г. против Объединения Бессарабии с Румынией, позднее эмигрировавший в СССР; Павел Киор, родившийся в Бессарабии, в Измаильском уезде, бывший секретарь комсомольской организации МАССР, бывший партсекретарь Рыбницкого района; Думитриу Петреску, родившийся в 1899 г. в селе Делакэу, Бендерского уезда, директор Тираспольского Педагогического Института. Все

²² AMAIRM-MVD, Fond 17, inv. 1, d. 25, f. 10.

²³ ASISRM-KGB, dosar 416580-416681, f. 15, 6.

²⁴ *Великий Терор в Україні. «Куркульська операція» 1937-1938 рр.*, упорядники Сергій Кокін, Марк Юнге, Київ, Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2010, Частина II, р. 315.

они признались, что были завербованы румынской Сигуранцей и по ее приказу создали «националистическую» организацию, руководимую Старым, агентом румынской Сигуранцы с 1918 г., бывшим председателем Совета Народных Комиссаров МАССР.

В докладе заместителя наркома Внутренних дел Украинской ССР В.А. Балицкого (позднее также расстрелян, 27.10.1937) своему начальнику Николаю Ежову, отмечалось, что между тем были ликвидированы группы шпионов на службе Румынии в ряде районов МАССР, таких как Тираспольский, Каменский, Рыбницкий, а так же в Могилеве-Подольском и Одессе. Балицкий так же подтвердил, что он действовал согласно указаниями присланным ранее Ежовым в том, что касалось категорий лиц, попадавших под действие «румынской операции»: перебежчики, политические эмигранты, бывшие сотрудники разведывательного управления, агенты отдела внешних сношений и кулаки, бежавшие в свое время в Румынию и вернувшиеся в последние годы в Советский Союз. В то же время подчеркивалось, что целью развертывания «румынской операции» была территория МАССР, а так же сопредельных Могилев-подольской и Одесской областей²⁵.

В сравнении с «кулацкой операцией», начатой по приказу 00447 от 30 июля 1937 г., при терроре, применявшемся по национальной линии, не устанавливались лимиты арестов, расстрелов и заключений, но обозначались только в общих чертах категории лиц, бывших целью этой операции²⁶. Следовательно, размах репрессий определялся местными органами НКВД, такими как НИКВД МАССР. Тем не менее, центральные органы одобряли расширение репрессий, а число арестованных и расстрелянных было взято в качестве базового критерия степени решимости сотрудников НКВД в борьбе против врагов советской власти, что, в свою очередь, было соразмерно с шансами не быть обвиненными в пособничестве «врагам народа», т. е. определяло шансы их собственного выживания. По свидетельству З.В. Зинко, следователя 3-го отделения НКВД МАССР, который начал расследование против «националистов» в июне 1937 г., после указания полученного из Центра, было важно, чтобы тот или иной человек был выходцем из-за границы чтобы существовали основания для ареста²⁷. В то же время, дела из категории «румынской операции», так же как и дела других национальных операций должны были вестись в форме «альбомов», для удобства московских, Двоек²⁸.

Обвинения, предъявляемые арестованным (как тем, кого расстреливали, так и тем, кого приговаривали к заключению) в рамках «румынской операция», были различными. Например, из всех 3374 лиц, задержанных политической

²⁵ *Великий Терор в Україні*, Ч. I, С. 123. Значительная часть элиты МАССР была обвинена в шпионаже против Румынии и анализируется в этом разделе, посвященном «румынской операции». Вместе с тем, мы предпочитаем включить больше данных о членах номенклатуры МАССР, подвергнутых репрессиям в 1937-1938 гг. в следующий раздел, относящийся к террору против элит, третьему важному разделу Большого террора.

²⁶ *История сталинского Гулага*. Том 1: „Массовые репрессии в СССР”, р. 74.

²⁷ Олег Галущенко, „Евреи в составе руководящих кадров Молдавской АССР в период сталинских репрессий”, in *Сборник научных трудов Института Иу- даики*, Выпуск II, 2011, р. 56.

²⁸ Никита Петров, Марк Янсен, «*Сталинский питемец*» - *Николай Ежов*, р. 208.

полицией и милицией МАССР в период между 1 января и 1 августа 1938 г., 1010 были обвинены в том, что являлись румынскими контрреволюционными элементами, вовлеченными в шпионские операции в пользу Румынии; 614 человек стали «украинскими националистами» или членами украинских повстанческих организаций; 374 были обвинены в шпионаже в пользу Германии; 198 людям инкриминировали сионизм, 170 — что они были «контрреволюционными шпионами» на службе Польши, 160 сделали виновными в «антисоветской агитации», 140 — что были бывшими эсерами, 32 — бывшими меньшевиками, 31 — троцкистами и правыми элементами. В то же время, приговоренные в рамках «румынской операции», местные молдаване, т. е. этнические румыны из левобережья Днестра, составляли 975 человек, среди которых большинство были жителями МАССР (776), а также Одесской области (95 человек), Винницкой (37 человек) и т. д. А румыны — имеются ввиду бывшие граждане Румынии — составляли 334 человек, большинство которых проживало за пределами МАССР: 96. Каменец-подольской области, 46 — в Одесской и только 20 в молдавской автономии. В целом, этнические румыны с обоих берегов Днестра составляли большинство (1309 человек), что «оправдывало» наименование операции «румынской». В то же время, этничность не была единственным базовым критерием, имело «значение» только в пользу какой страны предпринимались шпионские действия, по предположению советских властей. Вторую по значимости этническую группу в рамках «румынской операции» составляли украинцы (1194 человек), затем следовали русские (444 человека), евреи (330 человек), немцы (318 человек), болгары (109), чехи (14), белорусы (8), латыши (7), армяне (4), греки (3) и т. д. Как и в случае «кулацкой операции», хотя «румынская операция» и была официально начата 17 августа 1937 г., за причастность к «румынскому шпионажу» некоторых судили и раньше. Таким образом, период между августом 1937 и ноябрем 1938 гг. стал лишь апогеем террора, поскольку между 1 октября 1936 г. и официальным началом операции 17 августа 1937 г. было осуждено 1456 человек.

В общем, на Украине за шпионаж в пользу иностранных государств было арестовано и осуждено 25132 человека. Среди этих приговоров, наиболее многочисленными были осуждения за шпионаж в пользу Германии (9100 человек), за чем следовали приговоры за шпионаж в пользу Румынии (4830 человек между 1 октября и 1 июля 1938 гг.). Другой особенностью приговоров в ходе «румынской операции» в МАССР, соотносившейся с практиками других операций *Большого Террора*, было то, что большинство из них было вынесено органами НКВД в Москве, хотя и не Особым Совещанием, но Особой комиссией НКВД СССР, в которой состояли Николай Ежов, нарком Внутренних Дел СССР и Генеральный прокурор СССР Андрей Вышинский, другой внесудебной инстанцией, неформально называвшейся *Двойкой* (подобные комиссии, состоявшие из представителей НКВД и Прокуратуры, функционировали и на местном уровне).

Другая значительная часть приговоров в ходе «румынской операции»

осуществлялась *Особой Тройкой* Народного Комиссариата Внутренних Дел МАССР. Первое заседание этого внесудебного органа в Тирасполе состоялось 10 августа 1937 г. под председательством замнаркома Марка Павловича Роголя. На нем приговорили к расстрелу 26 человек, еще 10 — к 10 годам и 3-х, соответственно, к 8 годам исправительно-трудового лагеря²⁹. На других заседаниях количество приговоров было еще большим. Например, на заседании *Особой тройки* от 17 декабря 1937 г. были вынесены приговоры 80 лицам. Еще 11 человек было расстреляно 22 декабря, а между 26 декабря 1937 г. и 28 января 1938 г. - еще 53 человека. Среди них была и группа бессарабцев, таких как Афанасий Агуцэ и Гргоре Агуцэ из Кишинева; Димитрие Герасименко и Георге Токалов из Бендер; Симион Динчук, Петру Кортински и Василе Типа (населенные пункты не указаны), а также двое жителей довоенного румынского королевства — Жана Никулеску, родившаяся в Яссах и Павел Тульченко (место рождения не указано)³⁰.

В общей сложности, в период с 1 октября 1936 по 1 июля 1938 г. за шпионаж в пользу Румынии в рамках «румынской операции» в Украинской ССР было арестовано 6188 человек, среди которых было 1501 румын (т. е. граждан или бывших граждан Румынии, включая бессарабцев)³¹. В то же время число этнических румын со всей территории СССР возросло до 8292 человек, среди них 5439 было приговорено к расстрелу, а 2863 получили различные сроки заключения³², обычно от 8 до 10 лет. Тот факт, что число репрессированных этнических румын в 1936-1938 гг. было больше, чем число павших жертвами в ходе «румынской операции» имеет следующее объяснение: они были включены в другие списки, других «национальных» операций, так же как в рамки «румынской операции» были включены украинцы, русские, евреи и т.д.

С социальной точки зрения, осужденные в рамках «румынской операции» происходили из различных социальных и профессиональных групп. Как правило, они были служащими в различных отраслях, партийных или советских органах республиканского, областного или районного уровня, а также работниками культуры, образования, экономики и т. д. Другие — меньшая часть — были простыми людьми, крестьянами единоличниками или чаще колхозниками. Таким был случай Иосифа Ожога, молдавского румына, из бедных крестьян, колхозника, имевшего 3 класса образования, беспартийного, без уголовного прошлого, не участвовавшего в акциях против советской власти и даже не проводившего антисоветской агитации. Он родился 9 ноября 1901 г. в селе Коржова Огреевского уезда (ныне Криулянский район), проживал в селе

²⁹ Gheorghe Negru, Mihai Tașcă, „Represiiunle politice din RASSM în anii 1937-1938 („operațiunea culăcească” și „operațiunea română”)”, în Musteață, Cașu, eds., *Fără termen*, p. 432.

³⁰ Ion Varta, Tatiana Varta, „Marea Teroare din URSS și RASS Moldovenească (1937- 1938)”, în Musteață, Cașu, eds., *Fără termen*, p. 415, 417.

³¹ «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг., том 2, p. 149-151.

³² „Большой террор”: 1937-1938. Краткая хроника, Составители Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский, „Индекс”, № 26, p. 12. Apud Gheorghe Negru, Mihai Tașcă, „Represiiunle politice din RASSM în anii 1937-”, în Musteață, Cașu, eds., *Fără termen*, p. 442.

Перерыта Дубоссарского района, арестован 24 августа 1937 года. Он был женат, его супруга Анна Ожог, родилась в 1909 г., у него был 11 месячный сын по имени Анатол. Иосифу Ожогу инкриминировали то, что он был завербован румынскими спецслужбами с целью осуществления шпионажа на территории СССР и был членом контрреволюционной организации, имевшей целью свержение советской власти³³. Допрашиваемый много раз в сентябре и октябре 1937 г. он не признал вину, хотя вполне возможно, что его пытали. В основе обвинений против него было то, что в период 1930-1933 гг. он был завербован Разведуправлением РККА, помогая переброске советских агентов в Бессарабию. Среди помогавших переходить Днестр был и его брат Федор Ожог, считавшийся НКВД МАССР руководителем шпионской сети, сотрудничавшей с Григорием Старым, бывшим председателем Совета Народных Комиссаров в 1932-1937 годах. Основанием обвинения выдвинутого Иосифу Ожогу было то, что он был завербован румынской разведкой во время своего перехода в Бессарабию. В основе этих обвинений находились показания односельчан (которых мы не упоминаем, по понятным соображениям). Его дело было отправлено на расследование в Особую комиссию при НКВД СССР и Генеральной Прокуратуре СССР, состоявшей из Ежова и Вышинского (*Двойка*), которая приговорила его к смерти через расстрел 17 ноября 1937 г., казнь состоялась несколькими днями позже 26 ноября. На заседании прямо отмечалось, что приговор был вынесен согласно указаниям о мерах пресечения в рамках «румынской операции»³⁴. Позднее в ходе расследования, инициированного КГБ МАССР в 1956-1958 гг., было установлено, что Иосиф Ожог осужден несправедливо, поскольку в его деле отсутствовали доказательства, приговор основан на допросе свидетелей, к которым *применялись пытки (определенное указание в архивном документе)*. Одновременно с Иосифом Ожогом и другие члены предполагаемой шпионской сети — Федор Ожог (его брат), Л.И. Чеклов, И. Реулец, Ф.Н. Поаелунджи, Ф. Шойка, Ф.Н. Кырлиг, Т.С. Крянгэ — были оправданы. Оправдание совершилось и на основании ходатайства, адресованного органам безопасности Румынской Народной Республики, которые опровергли факт, что указанные лица были завербованы румынскими спецслужбами в межвоенный период³⁵. Осуждение Иосифа Ожога было несправедливым еще и потому, что допросы проведенные КГБ МССР в 1956-1958 гг. жителей села Перерыта показали, что он был показательным колхозником, вошел в колхоз называвшийся «За освобождение Бессарабии» сразу же как только была объявлена коллективизация и даже поддержал этот процесс³⁶. Иными словами, он был лояльным гражданином советского государства, но это не спасло его от смертного приговора за «предательство родины». Похожий случай произошел с Владимиром Шереметом, молдавским румыном, из крестьян-середняков,

³³ ASISRM-KGB, dosar 05747, f. 745-746, 752-753.

³⁴ ASISRM-KGB, dosar 05747, f. 771-773, 782-783.

³⁵ ASISRM-KGB, dosar 05747, f. 774, 779-781.

³⁶ ASISRM-KGB, dosar 05747, f. 801-810.

колхозником, родившимся в 1913 г. в Каменке. Его арестовали в тот же день, что и Иосифа Ожога, 24 августа 1937 года. В этот день аресты проводились другим репрессивным органом — уголовно-розыскной службой 2-го Погранотряда в Рыбнице, который до 5 октября 1937 г. арестовал 316 человек. Другая структура пограничных войск в МАССР, 25 Молдавский Отряд, арестовал в этот день в свою очередь 308 человек, среди которых большинство по подозрению в «румынском шпионаже»³⁷. Владимиру Шеремету инкриминировали то, что он помог своим братьям Исаку и Симиону, а также родственникам Петру Ковалю и Леонтию Шевцову незаконно пересечь румынскую границу и затем вернуться обратно на советскую территорию. Они в свою очередь были обвинены в том, что их завербовали румынские разведывательные службы. Владимир Шеремет не признал вину после нескольких допросов, вследствие чего, его дело отправили на рассмотрение Особого совещания при НКВД (другого внесудебного органа, не путать с Особой комиссией при НКВД и Генеральной Прокуратуре, *Двойкой*). 21 октября 1937 г., Особое совещание при НКВД в Москве, в отсутствие обвиняемого, приговорило его к 10 годам исправительно-трудового лагеря. В 1958 г. органы КГБ МССР объявили Владимира Шеремета «неоправданно репрессированным»³⁸. Но все же, он будет реабилитирован лишь в 1989 г. прокурором МССР Николаем Демиденко³⁹.

Кроме «румынской операции» на МАССР распространились и репрессии других «национальных операций», особенно «немецкой» и «польской». В первые два месяца *Большого Террора*, 5 октября 1937 г., в МАССР было арестовано 168 человек в рамках «польской операции» и 132 как участники «немецкой операции»⁴⁰. Последующие исследования точнее установят число подвергшихся политическим репрессиям в рамках «национальных операций» и социальный состав этого контингента жертв *Большого Террора* в МАССР.

4. Кадровые чистки в МАССР во время *Большого Террора*, 1927-1938.

Третьим важным компонентом *Большого Террора* в период с июля 1937 по ноябрь 1938 гг. стали массовые репрессии против партийных и советских элит, включая ряды НКВД⁴¹, как до, во время и после окончания массовых операций.

После осуждения десятков тысяч служащих среднего и и низшего ранга

³⁷ *Великий Терор в Україні*, Ч. I, р. 409.

³⁸ ASISRM-KGB, дело без инвентарного номера, озаглавлено *Список советских граждан, незаконно подвергнутым репрессиям в отсутствие доказательств органами НКВД МАССР в 1937-1938 гг. и реабилитированных в 1956-1958 гг.* f. 7.

³⁹ ASISRM-KGB, dosar 015170, f. 1-2, 26-32.

⁴⁰ *Великий Терор в Україні*, Ч. I, р. 409. Об отдельных делах поляков и немцев в рамках этих операций см.: Ion Varta, Tatiana Varta, Igor Șarov, eds., *Asasinările în masă în RASSM în timpul Marii Terori*, 1937- 1938, Chișinău, ARC-Cartdidact, 2010, vol. I, 828 p.

⁴¹ Впрочем, Ежов признается на допросе, после своего ареста в марте 1939 г., что он уничтожил 14 тысяч чекистов и жалеет, что не смог вычистить систему до конца. Никита Петров, Марк Янсен, *«Сталинский питомец» - Николай Ежов*, р. 208.

во время первой пятилетки, не только в сельской местности, но и *саботажников* в промышленности⁴², последовали *массовые чистки* (как правило, без применения силы) в рядах партии, начатые в масштабе всего Советского Союза в апреле 1933 года. В следствии, к 1 декабря 1935 г. были исключены из партии 177 тысяч членов и кандидатов в члены (9,1% от общего числа), среди которых 15218 было арестовано. Эта проверка членов партии на «чужеродные элементы» координировалась Николаем Ежовым, доверенным лицом Сталина еще с того времени, позднее в сентябре 1936 г. комиссаром НКВД, который будет руководить *Большим Террором*. Он инициирует и другую проверку членов партии в 1935 г., имевшую в качестве цели, на этот раз, бывших политэмигрантов⁴³, большинство которых были выходцами из Западной, Центральной и Восточной Европы, включая Румынию.

Долгое время считалось, что члены партии составляли большинство жертв *Большого Террора*, что, однако, не верно. В «Секретном докладе» Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. акцент был сделан именно на них, а так же на военных, не принимая во внимание другие категории жертв. При том, что они не составляли большинство, арестованные и осужденные члены партии оставались важными. Кроме большевистских лидеров ленинской гвардии, таких как Лев Каменев и Григорий Зиновьев, Николай Бухарин, Алексей Рыков и т. д., были расстреляны и руководители среднего и низшего рангов. Среди жертв были 5 убежденных сталинистов, членов Политбюро ЦК ВКП(б): Павел Постышев, Иван Рудзутак, Роберт Ейхе, Станислав Косиор и Влас Чубарь. Были расстреляны 98 из 139 членов ЦК ВКП(б), 1108 из 1996 делегатов 17 партсъезда 1934 года. В Ленинграде, где был убит Киров в декабре 1934 г. и чья местная парторганизация считалась рассадником зиновьевской оппозиции, было арестовано более 90 % всех членов партии. На Украине, только в 1938 г., когда Хрущев стал первым секретаре ЦК КП(б), было арестовано 106 тысяч членов партии, значительная часть которых была расстреляна. Из 200 членов украинского ЦК, только 3 удалось выжить⁴⁴.

Чистки в армии были такими же обширными. Во время них было арестовано более 35 тысяч офицеров. Были казнены и осуждены командиры Красной Армии, среди которых: 3 из 5 маршалов (Михаил Тухачевский, Александр Егоров и Василий Блюхер)⁴⁵. Среди офицеров высшего ранга был и бессарабец еврейского происхождения Иона Якир, родившийся в Кишиневе в 1896 году. Он принимал участие в гражданской войне в России, и до того как пасть жертвой *Большого Террора* занимал важные должности, такие как командующий Киевского Военного Округа (17 мая 1935 — 10 мая 1937) и Ленинградского Военного Округа (10-28 мая 1937 г.). Его арестовали 28 мая 1937 г., и приговорили к расстрелу 11 июня того же года⁴⁶.

⁴² Йорг Баберовски, *Красный террор. История сталинизма*, Москва, РОССПЭН, 2007, p. 170.

⁴³ Йорг Баберовски, *Красный террор. История сталинизма*, Москва, РОССПЭН, 2007, p. 170.

⁴⁴ Nicolas Werth, „The Great Terror (1936-1938)”, in Stepane Courtois, Nicolas Werth et al., eds., *The Black Book of Communism. Crimes, Terror, Repression*, Cambridge, Mass., London, Harvard University Press, 1999, p. 192.

⁴⁵ Nicolas Werth, „The Great Terror (1936-1938)”, in *The Black Book of Communism*, p. 200.

⁴⁶ Якир был реабилитирован в 1957 году. Многие его родственники подверглись репрессиям, большинство из

Православная церковь, ислам и неопротестантские конфессии преследовались с обновленной жестокостью. Из около 20 тысяч церквей и мечетей, существовавших в 1936 г., только около тысячи продолжало работать в начале 1941 г., в которых вели службу менее 3 тысяч служителей культа различных конфессий по отношению к 24 тысячам в 1936 г. (исключая новоприсоединенные территории по пакту Молотова-Риббентропа)⁴⁷.

Не пощадили ни иностранных рабочих, ни лидеров Коминтерна, происходивших из разных европейских стран⁴⁸, включая Румынию. Жертвой *Большого Террора* стал и муж Анны Паукер, Марчел Паукер, арестованный НКВД 21 марта 1937 г. и расстрелянный 16 августа 1938 года. Детям супругов Паукер — Владимиру и Тане — удалось чудом выжить в подмосковном детском доме, возможно, благодаря престижу Анны Паукер, которая тогда находилась в заключении в Румынии⁴⁹. Пострадали и многие инженеры, деятели культуры и ученые, незаслуженно обвиненные в троцкистских симпатиях и т. п., среди которых были физик Абрам Федорович Иоффе, выдающийся советский аэрокосмический инженер А.Н. Туполев, будущий руководитель советской космической программы Сергей Павлович Королев и т. д.⁵⁰

В общей сложности в годы *Большого Террора* 1937-1938 гг. подверглись репрессиям как минимум 116885 членов и кандидатов члены КП(-б) Советского Союза⁵¹. Среди них 38848 человек, т. е. 33%, были казнены. В бывшем московском Партархиве хранится 11 томов со списками расстрелянных и заключенных в тюрьму коммунистов, на которых сохранились подписи Сталина, Молотова, Кагановича и других членов Политбюро КП(б) Советского Союза⁵².

У террора против партийных элит МАССР были определенные характерные черты в сравнении с другими республиками и областями Советского Союза. Хотя он и развивался параллельно с другими видами репрессий, террор против элит Молдавской АССР невозможно понять в отрыве от «румынской операции», поскольку значительная часть политической и культурной элиты МАССР будет обвинена в содействии политике *румынизации* МАССР и в следствии, ее сделают виновной в шпионаже в пользу Румынии или

них расстреляно. Выжил его сын Петр Ионович Якир, приговоренный к ГУЛАГу, ставший известным диссидентом в брежневскую эпоху. Подробнее см.: Н. М. Якупов, *Трагедия полководцев*, Москва, Мысль, 1992, р. 133-161.

⁴⁷ Nicolas Werth, „The Great Terror (1936-1938)”, in *The Black Book of Communism*, p. 200.

⁴⁸ М. М. Пантелеев, „Репрессии в Коминтерне, 1937-”, in *Отечественная история*, 6, 1996, p. 161-168; William Chase, *Enemies within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repressions, 1934-1939*, New Haven & London, Yale University Press, 2001; Barry McLoughlin and Kevin McDermott, eds., *Stalin's Terror. High Politics and Mass repression in the Soviet Union*, New York, Palgrave Macmillan, 2003.

⁴⁹ Vladimir Tismăneanu, *Stalinism pentru etermitate. O istorie politică a comunismului românesc*, Polirom, 2005, p. 301.

⁵⁰ Anne Applebaum, *Gulagul. O istorie*, București, Humanitas, 2011 (оригинальное издание на английском языке вышло в 2003 г.), р. подробнее см: *Лубянка. Советская элита на Голгофе, 1937-1938*, составитель В.Н. Хаустов, Москва, Международный Фонд Демократия, 2011.

⁵¹ Никита Петров, Марк Янсен, «*Сталинский питомец*» - Николай Ежов, р. 121- 122.

⁵² *Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годах*, составители И.В. Курилов, Н.Н. Михайлов, В.П. Наумов, Москва, Политиздат, 1991, р. 13.

в создании предпосылок для «отделения МАССР от СССР». В этом случае, как и при репрессиях проводимых в рамках «кулацкой операции» и «национальных операций», подготовка репрессий против элит началась гораздо раньше и имели место прецеденты и в предыдущие годы. Что однако отличало кадровый террор 1937-1938 гг. от осуществлявшегося до и после этих лет — это размах арестов и, особенно, количество казней за относительно короткий период, в 15 месяцев. Массовые репрессии против коммунистической элиты, путем изгнания из партии или тюремных приговоров производились начиная с 1929 года, когда был запущен первый пятилетний план с его основными следствиями - ускоренной индустриализацией и полной и форсированной коллективизацией сельского хозяйства. Партийные и советские кадры, которые в большей или меньшей степени сопротивлялись этим мерам московского руководства, пострадали. В следствии невыполнения плана хлебозаготовок в МАССР на 1930 г., в феврале 1931 г. был снят с должности С.В. Димитриу, председатель Совнаркома МАССР⁵³. Как и в случае с другими чиновниками, позднее его осудили, в данном случае на 6 лет, в годы *Большого Террора* 5 сентября 1937 года⁵⁴. Однако, как правило, чиновников рангом ниже осуждали немедленно⁵⁵.

Что касается чисток в молдавской областной парторганизации в составе КП(б) Украины, на 23 февраля 1935 г., т. е. почти за 2 года до начала *Большого Террора*, были исключены из партии 642 члена и кандидата в члены, что в процентном отношении было больше, чем на союзном уровне — 14,1% от всего количества коммунистов в МАССР. Среди них 14% были рабочими, 22,2% крестьянами, служащими — 16,1% и т. д. Большая часть вычищенных из партии занимали управленческие должности: республиканского уровня — 19 человек, органов советского управления районного уровня — 40 человек, партработники — 22 человека, председатели колхозов — 27 человек, работники кооперации и потребления — 16 человек. Среди исключенных были и обычные люди: 91 колхозник, 7 механиков, 2 комбайнера и т. д. Среди исключенных из партии 35 человек были выходцами из Бессарабии, их обвинили в шпионаже в пользу Румынии. Из исключенных из партии, 60 человек судили и приговорили по уголовным статьям, а другие 120 были депортированы из Молдавской АССР⁵⁶.

Еще в декабре 1936 г., Сталин распоряжается составить списки «врагов народа», имея ввиду в первую очередь членов или бывших членов КП(б), считавшихся троцкистами, зиновьевцами или правыми элементами. На пленуме ЦК КП(б) Советского Союза, состоявшемся в период с 23 февраля по 5 марта 1937 г., Сталин упомянул примерное число «врагов народа» из этой категории — 20 тысяч, среди которых

⁵³ Кирилл Стратиевский, *Голод 1932-1933 гг. в Молдавской АССР*, р. 29.

⁵⁴ Alexei Memei, *Teroarea comunistă*, р. 556.

⁵⁵ *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД*, том 3, книга 2, р. 275; *Голодомор 1932-1933 років в Україні*, р. 406, 463.

⁵⁶ *Восстанавливая правду истории*, под редакцией В. Д. Исаак и др., Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1989, р. 100; Alexei Memei, *Teroarea comunistă*, р. 437-441, 448.

на тот момент было арестовано 18 тысяч человек. Сразу же после пленума начались аресты, в мае-июле были арестованы и казнены известные красноармейцы. В марте арестовали Николая Бухарина, расстрелянного годом позже. В этом контексте происходили и аресты в рядах политической элиты МАССР, которые получили, возможно, лимит арестов и расстрелов исходя из общего числа, указанного Сталиным. Среди первых лидеров МАССР, павших жертвами чистки были Гедалий Ильчикес, заместитель Старого в тираспольском правительстве, арестованный 12 января 1937 г., обвиненный в троцкизме и расстрелянный 17 июля того же года. Следующим руководителем МАССР над которым нависло подозрение в симпатиях к «классовому врагу» и «отсутствии идеологической бдительности» стал Евстафий Воронович, председатель Центрисполкома МАССР. Фронтальная атака на Вороновича была осуществлена 5 мая 1937 г. на собрании Тираспольской городской парторганизации, на котором его жестоко критиковали многие говорившие, что указывает на предварительный сговор. Среди наиболее бурно его атаковавших был М.А. Балух, директор Государственного Издательства МАССР, выходец из Трансильвании, которого позднее арестуют за «публикацию вредительских учебников». Следом за этим, Ковтунов, секретарь Партколлегии комиссии партконтроля при ЦК КП(б) Советского Союза по МАССР, запросил разрешения своего начальника в Москве, М.Ф. Шкирятова, начать процесс против Вороновича (уволенного с должности и исключенного из партии 8 июля, арестованного 6 сентября и расстрелянного 13 сентября 1937 г.)⁵⁷. В результате между 5 и 11 мая 1937 г. было произведено несколько допросов под руководством Ковтунова в присутствии В.И. Шамиса, секретаря Агитационно-пропагандистского отдела Молдавского Обкома КП(б) У и Марка Павловича Роголя, зам. начальника УНКВД МАССР (первого позднее приговорят к смерти, а второго — к 5 годам ГУЛАГа). В последующие дни, атаки на верховное руководство МАССР ширятся в рамках выступлений на X-й партконференции Молдобкома КП(б) Украины, проходившей между 12 и 17 мая 1937 года. В ходе партконференции, отставной первый секретарь молдавской парторганизации Зиновий Сидерский доложил, что в рамках повторной проверки членов партии МАССР было выявлено 635 лиц, которые по разным причинам не заслуживали права оставаться в рядах партии. Среди них находились «враги», которые были разделены на множество категорий: 115 были

⁵⁷ Elena Negru, *Politica etnoculturală în RASS Moldovenească (1924-1940)*, Chişinău, Prut Internațional, 2003, p. 116-117; Alexei Memei, *Teroarea comunistă*, p. 537. См. также дело, заведенное НКВД на имя его жены Марии Михайловны Воронович. После ее ареста через неделю после расстрела Евстафия Вороновича, 21 октября 1937 г., ее допрашивали как жену «врага народа», но 13 февраля 1938 г. отпущена на свободу, с заключением, что приказ 00486 от 15 августа 1937 г. не применим в ее случае. Национальный Архив Республики Молдова (далее ANRM), Fond R-3401, inv. 1, d. 336. f. 25.

объявлены «классово-чуждыми элементами», 107 - «морально опустившимися», 16 - «троцкистско-зиновьевцами», 8 - «националистами», 44 - «карьеристами» и т. д. Некоторые районные парторганизации, такие как Валегоцуловская, выдворили из своего состава порядка 30% членов⁵⁸. Сидерский в своем докладе предваряет пришедший из Москвы приказ о начале кадровых чисток в руководстве МАССР, занимаясь в то же время самокритикой за ситуацию, охарактеризованную как нестерпимая и опасная. Он напоминает аудитории, что «наши товарищи забыли, что Советский Союз окружен капиталистическими странами, и мы, большевики Молдавии, которым партия поручила обязанность бдительно охранять границы Советского Союза, тем более не должны забывать тот факт, что мы находимся в капиталистическом окружении. Именно потому что мы его видим и чувствуем повседневно, мы видим, как из этого окружения нам посылают шпионов, разведчиков, диверсантов». Речь Сидерского была показательной для периода *Большого Террора*: критиковались и обвинялись в том, что были «врагами народа» люди, которые поддерживали разные точки зрения на молдавскую автономию и отношение «молдавского языка» к румынскому. С одной стороны, критиковались те, кто не достаточно удовлетворительно проводил румынизацию в Молдавской АССР после 1932 г., когда был принят латинский алфавит. С другой, даже те кто внес вклад в этот процесс, были вычищены, поскольку в этом случае они продвигали отделение молдаван от «советской родины». В этом были обвинены, например, ведущие румыноязычных радиопередач в МАССР, большинство которых были выходцами из Бессарабии. У них была отличная дикция, их слушали молдаване, что было интерпретировано как факт и признанно позитивным, но более серьезным было то, что по этой причине румыноязычное население больше не слушало передачи из Киева и Москвы⁵⁹! Двумя месяцами позже, решением Бюро Молдобкома от 24 июня 1937 г. указывается другая вина руководства Комитета по Радиовещанию МАССР:

«На Радиокomiteте Молдавии имели место многочисленные антисоветские вражеские выпады, особенно во время передачи решения Трибунала по делу банды троцкистско-революционного центра и по делу шпионов Тухачевского, Якира и т. д., которые выражались в передаче траурной музыки просле вынесения решения Трибунала» что представляло собой нарушение указаний, пришедших от Комитета по Радиовещанию Украины, определенно предусматривавших, что «в дни когда происходили процессы и после оглашения приговора должна передаваться только радостная музыка»⁶⁰.

⁵⁸ AOSPRM, F. 49, inv. 1, d. 3610, f. 53-54.

⁵⁹ AOSPRM, F. 49, inv. 1, d. 55-56, 82-83.

⁶⁰ Elena Negru, *Politica etnoculturală în RASS Moldovenească*, p. 117-118.

Спецификой периода *Большого Террора* является то, что в течении полутора лет несколько раз менялся состав региональной элиты, члены которой вычищались тотчас, как разоблачали действия или бездействие предшественников в борьбе с «врагами народа». Например, руководящая элита МАССР, инициировавшая кадровую чистку на высшем уровне в мае 1937 г., была сама вычищена практически полностью до сентября того же года. Из 9 членов Молдавского областного бюро КП (б) Украины, избранных на X-10 партконференции в мае 1937 г., 7 были объявлены «врагами народа», один покинул республику, и лишь один избежал репрессий⁶¹.

Другой ранее упоминавшейся жертвой *Большого Террора* в МАССР был Григорий Старый (настоящая фамилия Борисов). Его арест предшествовал террору, ударившему по сотням высокопоставленных руководителей МАССР, как из правительства и партийных структур, так и из различных культурных и образовательных учреждений. Старый родился 27 ноября 1880 г. в Бессарабии в селе Божиены, ныне Хынчештский район, русский по национальности. Он стал членом Российской социал-демократической рабочей партии еще в 1900 г., участник русской революции 1905 г. (один из ее лидеров в городе Горловка Донецкой области [Екатеринославской губернии]). Бывший меньшевик, он становится членом большевистской партии в 1918 г., участвует в революционном движении в Бессарабии, став одним из лидеров Бендерского восстания 27-28 мая 1919 г., за что заочно был приговорен румынскими властями к смертной казни. После 1919 г. эмигрирует в СССР, став членом штаба дивизии Ионы Якира, другого бессарабца, еврея, родившегося в Кишиневе в 1896 году. Старый получает образование в Коммунистическом Университете имени Якова Свердлова в Москве (1922-1923). Он был одним из основателей МАССР, созданной 12 октября 1924 года. Работал главным редактором газеты «Плугарул Рош» (Красный Пахарь), потом председателем Центрисполкома МАССР (1925-1926) и председателем Совнаркома МАССР (1926-1928, 1932-1937). Его арестовали 22 июня 1937 г. в Тирасполе по запросу комиссара НКВД Украины И.М. Леплевского. 25 июня 1937 г. Старого отправили в Киев. После 10 дней допросов и пыток, он 5 июля написал Леплевскому следующее сообщение:

На протяжении десяти дней расследования я отказывался признать свою вину касательно моей контрреволюционной деятельности. Сейчас я решил дать исчерпывающие показания о своей деятельности и сопричастности других лиц. С 1918 г. я являюсь агентом румынской Сигуранцы, по ее указанию я проник в ряды коммунистической партии и, пользуясь партбилетом, развернул контрреволюционную деятельность и шпионаж в пользу Румынии.

Затем Старый признается, после того как подвергся физическому и психическому насилию, что обманывал партию, лучших товарищей и друзей, а также собственной семье, в свое мировоззрение в период когда был

⁶¹ Н. Ф. Мовиляну, „Следовать правде истории” // В. Д. Исак (ред.), *Восстанавливая правду истории*, Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1989, с. 12.

меньшевиком. Он не просил пощады, напротив, требовал, чтобы к нему применили самое суровое наказание⁶². Находясь под угрозами и возможно получив обещания пощадить его жену Екатерину Алмазову, и 12-летнюю дочь Инессу (которая выживет после 12 лет ГУЛАГа), Старый подписал признание во всем, что ему инкриминировали. Он выдал десять имен людей, которые якобы входили в состав руководимой им «контрреволюционной» организации. Среди них были практически все, с кем он в тот или иной момент работал на различных должностях в МАССР: бывшие комиссары молдавской автономии, деятели культуры, журналисты и т. д., большинство из них были родом из Бессарабии или других провинций Румынии, но были также и приднестровцы, представители различных национальностей — румыны, евреи, русские, украинцы, болгары и т. д. — которых обвинили в шпионаже в пользу Румынии и продвижении румынских интересов на территории СССР. Старого приговорят 8 октября 1937 г. Особой Комиссией при НКВД СССР и Генеральной Прокуратуре СССР (*Двойкой*), и расстреляют тремя днями позже. Приговор Старому был вынесен на основе его собственных «признаний», что советские инстанции позднее признают незаконным решением⁶³.

В этот же день был расстрелян ряд людей, считавшихся лидерами предполагаемой контрреволюционной антисоветской организации, занимавшейся шпионажем в пользу Румынии, такие как Павел Киор, Николай Голуб, бывший второй секретарь Молдобкома КП(б) Украины, бессарабский румын, выходец из Валя Маре, сейчас Унгенский район), М.Г. Груман, бывший главный редактор газеты «Молдова Социалистэ» (Социалистическая Молдавия), бессарабский еврей родом из Леовы, Иосиф Бадеев (настоящая фамилия Суслик), до ареста — ректор Мариупольской Коммунистической Сельскохозяйственной Школы, еврей родом из Оргеева, Александр Строев, бывший председатель Правительства МАССР и народный комиссар юстиции МАССР, русский родом из Кишинева, Михаил Богопольский, бессарабский украинец, выходец из Измаила, бывший народный комиссар Образования МАССР и бывший научный сотрудник Молдавского Научно-Исследовательского Института и т.д.⁶⁴.

Из одиннадцати первых секретарей Молдавского областного комитета между 1924 и 1938, 6 подверглись репрессиям во время *Большого Террора*, среди которых 4 были евреями: Иосиф Бадеев (Суслик) (1924-1928, родился в Оргееве), Хайм Богопольский (1928-1930, родился в Кишиневе), Зиновий

⁶² Alexei Memei, *Teroarea comunistă*, p. 531-532; a se vedea și articolul lui Nicolae Movileanu din Tribuna, nr. 11, 1988, p. 31-34.

⁶³ Старый реабилитирован 17 сентября 1955 г. Военной коллегией Верховного суда СССР. См.: Н. Ф. Мовилян, „Политический смерч” // В. Д. Исак, (ред.), *Восстановливая правду истории*, p. 55.

⁶⁴ О деле Григория Старого, в настоящее время хранящемся в Национальном архиве Республики Молдова см: Elena Negru, Gheorghe Negru, „Represiuni politice din RASSM, 1937-1938, în In Honorem Ion Șișcanu. *Studii de istorie a românilor*, Cahul, 2011, p. 231-238; см. также: Alexei Memei, *Teroarea comunistă*, p. 533-581. Большинство из них были коммунистическими деятелями в румынской Бессарабии, неоднократно арестовывавшимися румынскими спецслужбами, после чего их или сажали в тюрьму или высылали в СССР. См.: *Mișcarea subversivă din Basarabia în anii 1918-1924*, București, Editura Enciclopedică, 2004, p. 132, 162, passim.

Сиддерский (август 1935 — апрель 1937) и Владимир Тодрес (Селектор) (апрель-август 1937); остальные двое были украинцами- И.С. Плачинда (октябрь 1931 — июль 1932) и И.Н. Сирко (июль 1932-июнь 1933). Большинство из них приходило в МАССР, будучи направленными ЦК КП(б) Украины и возвращалось после этого в распоряжение украинского руководства⁶⁵.

Жертвами сталинского террора стали и наиболее яростные его проводники из рядов тираспольского НКВД. Среди них был Лазарь Ривлин, заместитель наркома внутренних дел МАССР и исполняющий обязанности наркома внутренних дел МАССР в августе-сентябре 1937, октябре-декабре 1937 г. и в марте-мае 1938 г., уволен из НКВД 7 октября 1938 г. и осужден 28 декабря 1938 г. на 8 лет исправительно-трудового лагеря на основании статьи 206, пункт 17 Уголовного кодекса Украинской ССР; Иван Широкий (Майский), комиссар НКВД МАССР между 20 мая и 27 сентября 1938 г., в день ареста по подозрению в провокациях во время расследования, выбивание ложных показаний, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством в камере предварительного заключения. Одновременно с Широким была предана суду и приговорена к смертной казни группа ответственных работников НКВД МАССР: Григорий Юфа, Иван Волков, Павел Чичикало, Исаак Шпиц и Степан Кузьменко (об этом см. ниже более подробно). Другие будут уволены с должностей или арестованы, после чего займут другие должности в различных областях Украины: Николай Васильевич Лютый-Шестаковский, комиссар НКВД МАССР между 29 декабря 1937 г. и 22 марта 1938 г., уволенный только 2 марта 1951 г., в 1949 г. мы вернемся к нему как к ответственному от МВД ССР за депортацию из МССР; Александр Сократович Томин, зам. наркома НКВД МАССР в 1938-1939 гг., исключенный из партии Молдавским областным комитетом 14 октября 1939 г. за нарушение революционной законности, позднее, в январе 1941 г., осужденный на 6 лет ИТР, освобожден 13 августа 1942 г. декретом Президиума Верховного Совета СССР, но без снятия обвинений по делу; Марк Борисович Корнев (псевдоним Капелиус), начальник (до того как он стал называться комиссаром) Управления НКВД МАССР с 13 февраля 1937 г. до 29 июля 1937 г., арестован, затем расстрелян 2 марта 1939 г., не реабилитированный. В свою очередь, Абрам Владимирович Сапир, предшественник Корнева в период с 21 декабря 1936 по 13 февраля 1937 г., приговорен 12 сентября 1934 г. Особым совещанием при НКВД СССР, освобожден в 1944 и реабилитирован в 1989 г. согласно декрету от 16 января того же года; Марк Павлович Роголь, заместителя Сапира и Корнеева в период между январем и августом 1937 г., арестован 5 апреля 1938 г. и приговорен 29 октября 1938 г. к 5 годам ИТР; З.В. Зинько, следователь 3-го отдела НКВД МАССР в июне 1937 г.⁶⁶ и т. д.

⁶⁵ Ion Moiseev, „Aspecte ale vieții politice și culturale din RASS Moldovenească”, în Cugetul, nr. 5-6, 1992, p. 66-70; Кирилл В. Стратиевский, „Партийная элита в Молдавской АССР (1924-1940)”, *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*, 2003, nr. 7, p. 108.

⁶⁶ Н.В. Петров, К.В. Скорин, *Кто руководил НКВД, 1934-1941*, Москва, Мемориал, 1999. Мы обращались к

Для этих процессов характерно то, что они выходят за рамки понимания и, как заметила известный американский историк Шейла Фицпатрик, говоря о *Большом Терроре* в целом, сколько бы мы не пытались сформулировать рациональные объяснения произошедшего, мы никогда не получим удовлетворительного ответа⁶⁷. Григорию Старому (Борисову), например, вменяли в вину в 1937 г. то, что он в 1924 г. выступил против организации молдавской автономии, а Павлу Киору — как раз то, он поддержал эту инициативу. Относительно лингвистических вопросов Киора упрекали в том, что после 1924 г. он поддержал идею создания «молдавского языка», отличного от румынского, особенно, после краха Татарбунарского восстания, когда у приднестровских молдавских крестьян было чувство особенной вражды к Румынии и всему румынскому. В то же время, Старого упрекали в обратном, а именно в том, что особенно после 1926 г. (фактически еще в 1924 г.) он занимал позицию одобрения румынизации⁶⁸. И это несмотря на то, что линия молдовенизации или румынизации в МАССР устанавливалась московским руководством, а мнение местных лидеров не имело значения⁶⁹. Иными словами, искали любую зацепку за лидеров тогдашней элиты МАССР, ссылаясь на противоречащие друг другу аргументы, лишённые какой бы то ни было логики. Если и существовала какая-то логика в этих обвинениях, то это было желание московского и киевского руководства радикально изменить состав местного руководства, в первую очередь политического и культурного. Определение врага было настолько размытым, что практически каждый мог пасть жертвой *Большого Террора*, как те, кто в прошлом стоял на троцкистских (Киор, например, был среди таких в середине 20-х гг.) или меньшевистских позициях (Старый), так и те, кто оставался лояльным сталинской позиции. Жертвы могли быть бессарабскими румынами, но также и русскими, и украинцами или бессарабскими евреями, равно как и молдаванами или русскими, украинцами или евреями из Украины. Как отмечалось и в этих случаях, общим для этих жертв было то, что большинство из них были выходцами из Бессарабии, другие же критерии, такие как этническое происхождение, принадлежность или не принадлежность в прошлом к идеологическим «уклонам», троцкизму и т. д., были вторичными.

Согласно тому, что нам известно на текущий момент исследований, на каждую жертву из рядов элиты составлялось дело, содержащее иногда десятки или даже сотни страниц. То же справедливо и для осуждённых из рядов

электронной версии, в которой не указаны страницы: www.memo.ru (последнее посещение – 1 сентября 2013 г.).

⁶⁷ Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*, New York & Oxford, Oxford University Press, 1999, p. 192.

⁶⁸ Alexei Memei, *Teroarea comunistă*, p. 484, 531-535, 554-555; Elena Negru, *Politica etnoculturală în RASS Moldovenească*, p. 129, 154-155.

⁶⁹ На эту тему подробнее см.: Charles King, *Moldovenii. Politica culturală între România și Rusia*, Chișinău, ARC, 2002, p. 62-87; Elena Negru, *Politica etnoculturală în RASS Moldovenească*, p. 41-70; Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu, eds., *Politica de moldovenizare în RASS Moldovenească. Culegere de documente și materiale*, Chișinău, Civitas, 2004; Gheorghie Cojocaru, ed., *Cominter nul și originile, moldovenismului'. Studiu și documente*, Chișinău, Civitas, 2009.

простых граждан, в рамках «кулацкой операции», хотя на настоящий момент считается, что для их осуждения было достаточно краткой биографии, в которой указывалось их социальное происхождение и прошлые поступки, служившие доказательством потенциальной или мнимой враждебности обвиняемого к советской власти. Тем не менее, террор против представителей номенклатуры должен был следовать — в большей степени чем в случае простых людей — установленному ритуалу, предполагавшему допрос свидетелей и самих обвиняемых, создавать видимость процесса. С одной стороны, теоретически у обвиняемых была возможность избежать наказания, поскольку процесс длился, как правило, месяцами до вынесения приговора (опять же в сравнении с «рассмотрениями» в рамках приказа 00447, когда обвиняемые могли надеяться лишь на замену высшей меры наказания на заключение). В реальности же, абсолютное большинство арестованных в целях кадровых чисток — в СССР в целом и в МАССР в частности — имели не больше шансов выжить, чем те, кто был мишенью приказа 00447, как только их арестовывали органы НКВД. Для НКВД это было также вопросом «чести» не допустить, чтобы попавшие в их руки ушли ненаказанными. Не многим посчастливилось быть оправданными, в относительно короткое время, по причине что были задержаны необоснованно⁷⁰.

5. Приговор палачам и доказательства применения пыток

Большой Террор официально закончился решением Политбюро ЦК КП(б) Советского Союза от 17 ноября 1938 года. Согласно этому решению оговаривалось, что существовали многочисленные «нарушения законности». На деле действие законов было приостановлено с учреждением троек, преимущественно внесудебных органов, сопровождавшихся приказом Андрея Вышинского, генерального прокурора Советского Союза, с целью упрощения процедуры арестов и приговоров. Объявляется возвращение к законности и, как следствие этого, принимается решение выявить дела, в которых осуществлялись *перегибы*. Это имело целью реабилитацию жертв и осуждение виновных в применении пыток. Речь шла об избирательном правосудии, предназначенном для восстановления авторитета партии и лично Сталина. Другое объяснение начала репрессий против палачей состояло в том, что они слишком много знали и, с точки зрения высшего московского руководства, было желательно их устранить. Так случилось с теми, кто проявлял излишнее рвение в выявлении «врагов народа», как, например, Горбач, человек Сталина, посланный в несколько областей России, где террор не протекал в ритме, желаемом Москвой. После того, как они выполняли миссию в многократном объеме, людей подобных Горбачу устраняли⁷¹. Этой модели последовали в Молдавской АССР, где были приговорены — как указывалось выше —

⁷⁰ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. f. 11.

⁷¹ David Shearer, *Policing Stalin's Socialism*, p. 347-348.

руководители НКВД высшего ранга из ранга. Среди лиц, обвиненных в перегибах во время Большого террора в МАССР, будут фигурировать в одном коллективном деле пять высокопоставленных работников Тираспольского НКВД: Григорий Юфа, 29 лет, Иван Волков, 31 год, Павел Чичикало, всего 21 год, Исаак Шпит, 30 лет и Степан Кузьменко 33 лет. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорит их 31 декабря 1938 г. к высшей мере наказания. Приговор в свою очередь приведет в исполнение исполняющий обязанности главы Особого отдела НКВД Украины, младший лейтенант госбезопасности Бережной, глава внутренней тюрьмы при Управлении безопасности при НКВД Украинской ССР, лейтенант госбезопасности Нагорный, исполняющий обязанности военного прокурора погранвойск Киевского военного округа Морозов и исполняющий обязанности председателя погранвойск Киевского военного округа, Васютинский⁷².

Стоит отметить, что возбуждение дела против Чичикало было инициировано директором школы села Ближний Хутор Тираспольского района, Тимофеем Садалюком, 25 лет, уроженцем города Вознесенск, Одесской области. Последний был арестован Чичикало 10 июля 1938 г. и обвинен в принадлежности к «молодежной фашистской организации». Первый допрос произошел уже в конце сентября 1938 года. Садалюка избивали, чтобы он признал принадлежность к упомянутой организации. Но он, тем не менее, отказался, даже под пытками. 5 октября 1938 г. его допрашивал другой следователь, Розенфельд, который распорядился освободить его из-под ареста и снять обвинения. Интересный момент этой истории заключается в том, что Садалюк получает бесплатно 5 мая 1938 г., всего за два месяца до ареста, автомобиль ГАЗ-А от Совета народных комиссаров Украины, по личной просьбе, сопровождавшейся хвалебными характеристиками о его качествах как хорошего организатора и воспитателя в школе. Чичикало тем не менее обвинил Садалюка — как указал последний после освобождения — что он якобы получил машину лично от Хрущева, первого секретаря КП(б) Украины и Коротченко, председателя Совета народных комиссаров Украины, чтобы вербовать новых членов в «молодежную фашистскую организацию». После освобождения из-под ареста 10 октября 1938 г. Садалюк отправляет письмо лично Хрущеву, в котором доводит до его сведения обвинения, сформулированные Чичикало и измышления против лидера украинской парторганизации. В связи с этим, возбуждение дела против Чичикало, закончившегося для него смертным приговором в конце декабря 1938 года, было, возможно, результатом вмешательства Хрущева почувствовавшего себя более чем задетым такими измышлениями. На допросе Чичикало все же будет категорически отрицать, что он требовал показаний о причастности Хрущева и Коротченко, утверждая, что Садалюк его не правильно понял⁷³.

Не менее важны, для понимания скрытых пружин, управлявших палачами *Большого Террора* и механизмов, развязавших беспрецедентные

⁷² ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 1, f. 89-90.

⁷³ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 1, f. 2-4, 156; vol. f. 4, 6-7.

массовые казни, свидетельства действующих лиц, таких как Чичикало. На допросе, начатом в декабре 1938 г., он вспоминает о ряде смягчающих обстоятельств, которые могут быть описаны как отчаянная стратегия пережить судебное дело. Первое что выделяется в его признаниях, относится к попытке экстериоризировать вину за жестокие методы словесного и особенно физического насилия в отношении арестованных людей. Нам тяжело установить, что из того, что утверждал обвиняемый, могло быть отнесено к контексту, к конъюнктурным факторам, институциональному принуждению и непосредственному давлению начальников и комиссара НКВД МАССР Ивана Широкого (Майского)⁷⁴, а сколько было конкретной личной ответственностью. Этот аспект представляется очень важным, даже основополагающим, особенно если вспомнить то, что даже члены семьи Ежова неоднократно ходатайствовали о его реабилитации по причине того, что тот сам был жертвой сталинского режима⁷⁵. Биография Чичикало и факторы подвигшие его на приход в органы НКВД показательны не только для него, но и для важного сегмента тех, кто принимал участие в *Большом терроре*. Итак, Чичикало весной 1938 г. был студентом второго, последнего курса Черниговского педагогического института, когда его судьба решила ЦК Комсомола Украины, немедленно распределившего его на работу в «органы». После посещения Киева, его назначают следователем в Тирасполь, в НКВД МАССР. Следовательно, у него не было профессиональной подготовки, и он ссылается на отсутствие как практической так и теоретической подготовки, и говорит, что он не он сам решил выбрать путь следователя политической полиции, но его назначили «сверху»⁷⁶. Мы имеем дело здесь с попыткой палача избежать личной ответственности, обвинив существующую политическую систему, испытывавшую недостаток следственных кадров НКВД в условиях массовых казней 1937-1938 годов.

В более широком смысле, допросы пяти упомянутых сотрудников НКВД МАССР, а так же Ивана Широкого, бывшего наркома НКВД МАССР в период 20 мая — 29 сентября 1938 г., представляют собой бесценный источник для реконструкции *Большого Тррора*, способов, которыми принимались решения об арестах, давления на обвиняемых, форм применявшихся пыток, различия между «кулацкой операцией» и «румынской операцией», а также многих других аспектов. Так, в некоторых случаях, лимиты количества арестованных пересматривались в соответствии с пожеланиями местного начальника НКВД. Например, Иван Широкий имел привычку сперва получить - различными методами, такими как шантаж, а также словесным и физическим насилием — признание вины от определенного числа лиц и после этого просить увеличения «лимитов» от киевских властей. В таком случае, у руководителей украинской политической полиции — Успенского в этот период, позднее казненного, как и его предшественник Леплевский — не было поводов не одобрить инициативу с

⁷⁴ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 1, f. 29.

⁷⁵ Никита Петров, Марк Янсен, «Сталинский питомец» – Николай Ежов, р. 211- 212.

⁷⁶ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 1, f. 37.

места (МАССР в данном случае), раз «враги» «признавали» вину⁷⁷. Для ареста человека было формально необходимо иметь хотя бы два доноса, а в некоторых случаях существовало пять и более доносов на одного человека⁷⁸. Иногда запрашивались дополнительные показания для определенных лиц, включая руководителей МАССР, уже приговоренных, от лиц, которые были только что приговорены тройкой к смерти и ожидали пока их расстреляют⁷⁹. В то же время, чем больше доносов было зафиксировано, тем более «доказанным» было «преступление». Таким образом, следователи НКВД МАССР хотели обезопасить себя от обвинений в фабрикациях дел, особенно во второй половине 1938 г., когда обычным явлением стал приезд в Тирасполь следственных бригад из Киева с целью перерасследования дел отдельных лиц и установления не являлись ли меры наказания результатом давления местных следователей⁸⁰. Это наводит на мысль, что уже за несколько месяцев до решения Политбюро от 17 ноября 1938 г. принимались меры по ограничению полномочий и произвола местных властей НКВД. Этот феномен обрисовывается, можно сказать, еще с апреля 1938 г., когда Ежов становится параллельно наркомом водного транспорта, чем Сталин пытался уменьшить его излишнее рвение⁸¹. Возможно, введением таких постоянных проверок уже весной 1938 г., как минимум отчасти объясняется то, что приговоренные жертвы не казнились в тот же день, другой причиной было то, что не было возможности исполнить наказание по причине ограниченного числа тех, кто имел право приводить в исполнение приговоры, а также того что касалось транспортировки и захоронения жертв. Между тем, в сравнении с практикой нацистских войск в период 2 мировой войны, когда казни совершались солдатами, казни времен Большого террора в СССР — что подтверждается и на материалах МАССР — приводились в исполнение офицерами, иногда высокопоставленными⁸².

Пытки применялись и к чиновникам высшего ранга. Об одном из таких случаев будет позднее вспоминать Екатерина Алмазова, жена Старого:

В сентябре 1937 г., будучи арестованной и находясь в Тираспольской тюрьме, я оказалась в одной камере с Ликой Флешлер, сестрой Флешлера-Аненского [бывший председатель госплана МАССР и заместитель Старого], из разговоров с которой я узнала, что кто-то из сотрудников НКВД (кто именно, она мне не сказала) сообщил ей, что Флешлера-Аненского жестоко избили, когда он находился под арестом. Он был избит так жестоко, так что не мог держать голову и следователь попросил, чтобы ему принесли

⁷⁷ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. f. 66-67.

⁷⁸ О системе доносов в сталинский период см.: Франсуа-Ксавье Нерар, *Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинской СССР, 1928-1941*, Москва, РОССПЕН, 2011.

⁷⁹ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. f. 42, 243-244.

⁸⁰ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. f. 226, 229.

⁸¹ Никита Петров, Марк Янсен, «Сталинский питомец» - Николай Ежов, р. 156- 157. Деталь, остающаяся спорной, поскольку если бы Сталин на самом деле хотел прекратить Большой Террор, то он мог бы это сделать, наверное, без сигналов подобного рода.

⁸² David Shearer, *Policing Stalin's Socialism*, p. 359; ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 89-90. Это справедливо и в отношении расстрелов, осуществлявшихся Особой тройкой в МАССР в 1940 г. и затем в МССР в первый год советской оккупации. См.: ASISRM- KGB, dosar 32867, 4 тома, среди исполнителей которых был и Иосиф Мордовец, тогда замнаркома НКВД, а после 1944 г. комиссар НКГБ, затем министр госбезопасности и председатель КГБ МССР (до 1955 г.).

подушку под голову.

В дальнейшем, еще один человек, замешанный в допросах арестованных, Лазарь Ривлин, зам наркома МАССР в 1937 г. Признался на допросе в августе 1938 г., что лично давал распоряжения избивать задержанных⁸³. Использование пыток в отношении высших должностных лиц подтвердил и З.Б. Зубко, следователь 3-го отдела НКВД МАССР, допрошенный осенью 1938 г. по факту нарушения социалистической законности (применение пыток). Он открыто говорил, что:

Мороз [бывший нарком земледелия МАССР] был избит в Киеве. На допросе сделался очень интересным. На все вопросы отвечал: «Да, показания подтверждаю», а когда его спросили: «врешь?», он так и ответил: «Так и есть, вру»⁸⁴.

Пытки обесчеловечивали обвиняемых и превращали их в беспомощные создания, которые надеялись, что чудом останутся в живых. Поэтому они признавались во всем, что от них хотели. Иногда им говорили, что если они признаются, что являются *врагами*, у них будет шанс на помилование. Но после того, как они признавались, признания становились доказательствами, которые оправдывали смертный приговор или, для самых «счастливых», приговор к 8-10 годам ГУЛАГа, где жертвы получали, по крайней мере, теоретическую возможность выжить⁸⁵.

С другой стороны, оставалась открытой проблема, что только некоторые из истязателей из рядов НКВД МАССР были осуждены за «перегибы», как комиссар НКВД Иван Широкий (Майский), зам наркома НКВД Марк Роголь или вышеупомянутая группа следователей НКВД, прямо вовлеченных в допросы и широкое применение словесного и физического насилия против обвиняемых, такие как Григорий Юфа, Иван Волков, Павел Чичикало, Исаак Шпиц и Степан Кузьменко. В то время как другие, не в меньшей степени вовлеченные в проведение допросов с использованием пыток, избежали судьбы своих коллег, осужденных и приговоренных к смертной казни или ГУЛАГа во время или после формального завершения Большого террора. Более того, некоторые из них в дальнейшем продвинулись по службе, как например, Николай Васильевич Лютый-Шестаковский, нарком внутренних дел МАССР между 29 декабря 1937 и 22 марта 1928 гг., во время которого в Тирасполе была создана пыточная камера⁸⁶, который после войны будет исполнять должность замглавы Отдела спецпоселений МВД СССР и приедет в июне 1949 г. в Кишинев для участия в организации депортаций 6-9 июля⁸⁷. Или Борис

⁸³ ASISRM-KGB, dosar 09056, vol. II, f. 223, 216. Apud Elena Negru, Gheorghe Negru, Represiunile politice din RASSM, 1937-1938, în Nicolae Enciu, coord., *In honorem Ion Şişcanu. Studii de Istorie a Românilor*, Cahul, 2011, p. 230; Н. Ф. Мовилян, „Политический смерч”, în В. Д. Исак (ред.), *Восстанавлювая правду истории*, p. 55.

⁸⁴ ASISRM-KGB, dosar 05107, f. 204, Apud Elena Negru, Gheorghe Negru, „Represiunile politice din RASSM, 1937-”, în Enciu, *In honorem Ion Şişcanu*, p. 230.

⁸⁵ О роли показаний во время Большого террора см.: Werth, *La terreur et le désarroi*, p. 330-350.

⁸⁶ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. I, f. 198.

⁸⁷ AMAIRM-MVD, F. 16, inv. 1, d. 105, f. 82, 83, 89.

Яковлевич Ронис, инспектор 1 спецотдела НКВД МАССР и секретарь Тираспольской Особой тройки летом-осенью 1938 г., которого мы увидим главой того же отдела в составе НКВД МССР с марта 1944 г. до июля 1950 г. (с марта 1946, МВД)⁸⁸.

Другим важным вопросом, касающимся процессов времен Большого террора, выступает вопрос о роли центральных и местных органов в развязывании механизмов применения физического насилия на массовом уровне. Одно время считалось, что пытки и в целом размах репрессий были результатом злоупотреблений местного руководства, которое неправильно понимало или преувеличивало приказы, спущенные из Москвы⁸⁹. На современном уровне исследований, все же нет сомнений относительно центральной роли, которую играл Сталин в планировании и развертывании Большого террора (как и других операций по массовым репрессиям), а так же относительно одобрения насильственных методов, широко использовавшихся советской политической полицией в 1937 — 1938 годах. Касательно применения физического насилия, существуют доказательства, такие как архивные документы, признания выживших, а так же бывших высокопоставленных палачей, среди которых и Ежов, о том, что приказы в этом отношении исходили напрямую от Сталина⁹⁰. В то же время, применение массовых арестов и, само собой, физического насилия не вылилось в широкие протесты рядовых граждан. Определенная критика была сформулирована преимущественно интеллектуалами и представителями свободных профессий. Существовали и многочисленные случаи солидарности населения, пусть и на символическом уровне, с жертвами Большого террора⁹¹.

б. Вместо заключения

С точки зрения Сталина и его сторонников из Политбюро⁹², Большой Террор мог быть оправдан международным положением, в котором оказался Советский Союз во второй половине 30-х гг., на фоне японской агрессии на Дальнем Востоке и нацистской Германии в Европе (демилитаризация Рейнской области в марте 1936 г; создание Оси Берлин-Рим-Токио, Антикоминтерновского пакта в 1936-1937 г., втягивание Германии и Италии в гражданскую войну в Испании, а также Аншлюс Австрии в марте 1938 г.).

⁸⁸ АМАИРМ-МВД, F. 17, inv. 1, d. . 2 etc.

⁸⁹ Arch J. Getty, *The Origins of Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered*, Cambridge, Cambridge University Press, 1985, in special p. 137-195.

⁹⁰ Никита Петров, Марк Янсен, «*Сталинский питомец*» - Николай Ежов, p. 125- 129, 207-208, 225-230; David Shearer, *Policing Stalin's Socialism*, p. 320-370; Oleg V. Khlevniuk, *Master of the House*, p. 193-202; Paul Gregory, *Terror by Quota. State Security from Lenin to Stalin (An Archival Study)*, New Haven & London, Stanford, Yale University Press, 2009, p. 180-201.

⁹¹ Sarah Davis, *Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934-1941*, Cambridge University Press, 1997, p. 113-123.

⁹² Вячеслав Молотов и в 70-е гг. поддержал то, что жертвы Большого террора, как и других массовых репрессивных операций, были оправданы. См.: Феликс Чуев, *Сто сорок бесед с Молотовым*, Москва, ТЕРРА, p. 398-400, 402, 438.

Американский историк австралийского происхождения Шейла Фицпатрик, однако, напоминает, что ссылки на внешнюю угрозу были оправданием, к которому прибегал почти каждый режим, обращавшийся к террору, как например это было во время Великой Французской Революции. Поэтому, подобные оправдания не следует брать в расчет⁹³. Рассуждая другим образом, Шейла Фицпатрик предложила анализировать Большой террор не столько с точки зрения причин, сколько результатов, считая, что намерения могут вытекать из последствий. А результат был в том, что «новая руководящая прослойка», сформированная из «специалистов», получивших советское образование, сменила старую большевистскую гвардию и «буржуазных специалистов». Сталин, а также большинство советских граждан, воспринимали кадры середины 30-х г. как группу привилегированных начальников, а не как профессиональную группу, преданную делу революции. Согласно Фицпатрик, могут так же существовать определенные доказательства того, что Сталин симпатизировал Ивану Грозному и воспринимал своих подчиненных как своего рода советских бояр (феодалов), но для строительства современного государства и «новой служилой аристократии» нужно было ликвидировать в первую очередь этих «бояр»⁹⁴. С этой точки зрения, как минимум в том, что касается кадровых чисток в СССР в целом и в МАССР в частности, данное утверждение правомерно, но оно не закрывает вопрос, почему местные элиты — не только в МАССР — были вычищены несколько раз за такой короткий промежуток времени. Что мы точно знаем, это то, что среди последствий Большого террора была монополизация всей власти в руках Сталина и существенное уменьшение прерогатив органа коллективного управления, Политбюро⁹⁵.

С другой стороны, жертвы Большого террора в Молдавской АССР в рядах коммунистической элиты фактически аннулируют одну из официальных целей создания этой автономии на территории Украины в 1924 г., а именно создание элиты, которая бы знала румынский язык (называвшийся «молдавским»), которая распространила бы «коммунистическое евангелие» в понятном населению виде в случае взятия Бессарабии у Румынии. В июле 1940 г., когда это произошло вследствие советского военного вторжения, в ситуации благоприятствовавшей Москве — недавнее падение Франции и, следовательно, полная изоляция Румынии на европейской арене, - большая часть политической и культурной элиты, говорившей по-румынски, или мало-мальски знакомая с молдо-румынской национальной культурой, была уничтожена⁹⁶. Вследствие,

⁹³ Sheila Fitzpatrick, *The Russian Revolution*, Oxford, Oxford University Press, 1994, p. 1-14.

⁹⁴ Цит. по: Ronald Grigor Suny, *The Soviet Experiment. Russia, the USSR, and the Successor States*, New York, Oxford, Oxford University Press, 1998, p. 267.

⁹⁵ Подробнее см: Олег Хлевнюк, *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*, Москва, РОССПЕН, 2010.

⁹⁶ Существуют и исключения, в том числе из среды румынских интеллектуалов, некоторые из которых, после 1944 г., объединятся или с бессарабскими элитами, руководимыми Буковым и Лупаном, либо с приднестровскими во главе с писателем Ионом Канной. Последний будет пойман на плагиате, что скомпрометирует приднестровскую культурную группу, но политическая займет доминирующие позиции вплоть до падения Советского Союза. Подробнее о писателях, которые пережили большой террор в

после 1940 г. и далее после 1944 г., МССР будет в течение ряда десятилетий управляться приднестровской элитой, появившейся в результате кадровых чисток во время Большого террора, элитой более преданной интересам Киева и Москвы в регионе, и безразличной к интересам молдаван, чем устраненная в 1937-1938 годы⁹⁷.

С перспективы «кулацкой операции», Большой террор ликвидировал в МАССР важную часть зажиточного крестьянства, которой удалось различными способами вернуться на территорию.

Общее число жертв Большого террора в МАССР не может быть установлено на современном уровне исследований. Но, кажется, что оно приближается к 9 тысячам, в то время как в период с 1 января 1939 г. по 1 марта 1940 г., в адрес Украинской прокуратуры МАССР поступило не менее 8951 прошений о реабилитации лиц, подвергшихся репрессиям в МАССР, которых следовало восстановить в правах согласно Декрету Совнаркома СССР и ЦК КП(б) Советского Союза от 17 ноября 1938 г., формально положившего конец Большому террору⁹⁸. Надо также отметить, что реабилитированные еще в 1956-1958 гг., большинство которых принадлежало к партийной или государственной элите МАССР, были проверены по запросу КГБ румынской Секуритате и ни один из них не фигурировал в списках агентов Сигуранцы в межвоенный период⁹⁹. Это говорит само за себя о «профессионализме» НКВД в борьбе против «шпионов» в период 1937-1938 гг. и о масштабах террора против невинных людей.

МАССР и о природе конфликта между бессарабскими и приднестровскими писателями см.: Petru Negură, *Ni héros, ni traîtres. Les écrivains moldaves face au pouvoir soviétique sous Staline*, Paris, L'Harmattan, 2009, особенно сс. 168-178, 266-277.

⁹⁷ Задokumentированы, например, несогласованные высказывания Григория Старого относительно точки зрения украинских лидеров из Харьков и Киева, в том числе и на вопрос «румынизации» Молдавской АССР.

⁹⁸ „Через трупы врага на благо народа”, vol. 2, 512.

⁹⁹ ASISRM, dosar . 46, 53, 56, 62, 84, 87.